

М.И. Ростовцев

ЗАМЕТКИ ОБ ИНДИИ И ЕЕ ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ

I

Я не собираюсь сегодня читать вам официальный доклад или лекцию. Я не индолог, и мои исследования не имеют к Индии прямого касательства. Я провел там прошлой зимой весьма короткое время, достаточное для того, чтобы составить некоторое представление об этой стране, но не более того. Мои впечатления – это впечатления обычного туриста, ограниченного временем и еще более – знаниями. Да и как турист я себя не проявил: не поздоровался за руку с вице-королем и губернаторами провинций и не был ими принят. Не сподобился я и чести погостить у какого-нибудь из многочисленных индийских раджей, пожить в его доме для гостей, более похожем на роскошный отель, или проехаться на одном из его слонов. Я и на слоне никогда не ездил – ни в Индии, ни где бы то ни было еще. Не досаждал я своим присутствием Ганди или Рабиндранату Тагору. И последнее, но от того не менее важное: я вернулся из Индии без готовой схемы того, как должны были бы вести себя британцы, или как следовало бы поступать туземцам, дабы достичь мира, спокойствия, процветания и согласия. Я, признаюсь, во всем этом очень слаб.

Если я и решаюсь выступить сегодня перед вами, то потому только, что меня попросил об этом Президент нашего университета, и потому, что, говоря об Индии, я, возможно, наведу вас на кое-какие соображения, еще не ставшие для вас привычными – соображения,

---

⁴⁸ Ibid. P. 90–93.

⁴⁹ *Rostovtzeff M. Foundation of Dura-Europos on the Euphrates // Seminarium Kondacovianum. Т. X. Ппра, 1938. P. 99.*

⁵⁰ *Tarn W. Greek Civilization in Central Asia // The Yale Review. 1939. V. 28. P. 420–422.*

⁵¹ *Rostovtzeff M. Rev.: Тревеп К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л., 1940 // AJA. 1942. V. 46. P. 295–301.*

⁵² Текст никогда не публиковался. Фонд Ростовцева в Йельском университете № 1133. Картон 1. Бд. хр. 5. На оригинале английского текста рукой Ростовцева проставлено "Lecture 1937–1938".

навеянные моими личными впечатлениями исследователя древних религий и истории древнего искусства. Этим личным впечатлением, а не общему описанию моего путешествия я и посвящу те несколько слов, которые хотел бы сказать вам.

Одно из сильнейших моих впечатлений в Индии связано с моими занятиями классической древностью. Индия – одна из тех редких стран, что и по сей день живут жизнью древности, в сущности, весьма слабо затронутой всяческими современными надстройками. Особенно это касается религиозной жизни.

Мы, исследователи древности, упорно стремимся воссоздать величественное здание так называемого язычества, древнего восточного, греческого и римского политеизма. В распоряжении нашем лишь мертвые осколки когда-то прекрасной, но ныне разбитой статуи, скелет когда-то полного жизни тела. Разрозненные религиозные тексты, отражения религиозной мысли и жизни в поэзии и прозе, в пластике и живописи, сохранившиеся в наших религиях пережитки, развалины прекрасных храмов и усыпальниц, полные изуродованных изображений богов и богинь, алтарей, посвящений, вотивных подношений, т.д. и т.п. – вот материал, который мы тщательно собираем, классифицируем, реставрируем, сводим воедино, интерпретируем и обсуждаем, чтобы понять религию, что перестала быть для нас своей и глубоко чужда нам.

Но в то время как политеизм античности – лишь груда развалин, его трудно понять и невозможно увидеть, в Индии он – живой организм, брызжащий энергией, живой во всех своих проявлениях: мифах, теологии, философии, культе. Всякий, оказавшийся в Индии, видит его повсюду: жизнь индийская религиозна по самой сути своей. В тысячах храмов и усыпальниц, посвященных сотням богов, богинь и духов, в священных рощах и на берегах священных рек и озер проявления религиозной жизни не прекращаются ни на минуту с раннего утра и до позднего вечера. Конечно, индийский брахманический политеизм – не то, что политеизм античный. Но не забудем, что древний политеизм в Европе и на Ближнем Востоке отнюдь не был единообразным и принимал, в зависимости от места, времени, расы, традиции, среды, тысячи различных форм. С другой стороны, индийский политеизм одним из своих главных корней восходит к наиболее нам знакомому политеизму, т.е. к раннему индоевропейскому политеизму Азии и Европы: иранскому и славянскому, кельтскому и германскому, греческому и римскому. Конечно, индийские теология и философия решительным образом отличаются от теологии и философии греческой, римской, от семитской, иранской и египетской религии. Все это очевидно. И все же, несмотря на все эти различия, вдумчивые исследователи древнего политеизма могут многое почерпнуть из наблюдений над по сию пору здравствующей и процветающей великой политеистической религией.

Конечно, будучи иностранцами, и оттого нечистыми, мы, европейцы, не все можем увидеть в Индии. Подобно миллионам жителей Индии иных вероисповеданий и миллионам индусов низших каст, иностранцам и туристам в некоторые храмы доступ закрыт вообще, и во всех храмах их не допускают в святая святых и к наиболее важным церемониям. Однако даже дворцы и общие комнаты храма дают достаточно материала, чтобы мы смогли видеть ежедневный обиход индийского политеизма.

Еще одно замечание. Примечательно, что индийский политеизм есть феномен *sui generis*, подобно политеизму высокоцивилизованных народов античного мира. Это не примитивный, варварский, шаманский политеизм так называемых "отсталых" народов. Брахманический политеизм развился и достиг расцвета среди высокоцивилизованного народа с необычайно высокими запросами в области духовной жизни, и предназначался для удовлетворения этих запросов. Он выдержал в своей жизни много критических периодов, много трудной борьбы с религиями иного типа: парсизмом, буддизмом, мусульманством, христианством. В похожей борьбе традиционные религии античного мира уступили и были разбиты. Не то брахманический политеизм. Он с победой вышел из вековой борьбы и выглядит теперь сильнее, чем когда бы то ни было.

Как и древний политеизм наших европейских предков, брахманизм двулик: одной стороной он повернут к массам, другой – к немногим избранным, высоколобым интеллектуалам, искателям духовной истины, религиозным мыслителям, как если бы в одном организме встретились и слились две разнопорядковые религии. Заметим, что глубочайшие мыслители и миллионы крестьян ходят в одни и те же храмы, молятся одним и тем же богам, участвуют в одних и тех же религиозных церемониях. Не то ли было в античном мире, где с одной стороны были Эсхил и Софокл, Плотин и император Юлиан, а с другой – массы адептов различных древних культов, зачастую весьма примитивных и варварских в своей обрядности.

В галереях, дворах, на храмовых базарах и улицах, населенных жрецами индусских храмов, я чувствовал себя в античном мире, представлял, что иду не по мощеным полам храмов двадцатого века в Бхубанешваре, Пури, Мадуре и тысяч других храмов в собственно Индии, на Цейлоне, Яве и Бали, а по полам больших и малых храмов не столько Греции и Рима, сколько эллинистических и римских Египта, Сирии и Месопотамии – настолько велико их сходство.

Те же колоссальные храмовые дворы с монументальными портиками, те же галереи и колоннады вокруг дворов, настоящие базары, полные торговцев и торговок, те же огромные бассейны святой воды для ритуальных омовений и купанья, где живут священные животные, те же святая святых и более мелкие святилища богов – спутников главного бога (σὺννοχοί θεοί в греческой терминологии), те же помещения для собраний жрецов, священных танцев и музыки. Во дворах и галереях храма бродят, как и в некоторых храмах античного мира, священные животные богов – совладельцев храма. По всем галереям, дворам, отдельным помещениям и залам разбросаны изваяния богов, богинь, добрых и злых духов, священных животных, таинственных символов (самый популярный – линга Шивы). Те же изображения смотрят на вас со стен помещений, портиков, святилищ, гопур (монументальных ворот): в одиночку и группами, стоящие и танцующие, занимающиеся любовью и устрашающие врагов, сражающиеся с людьми и животными – последнее в особенности в барельефах и картинах, иллюстрирующих индийские священные эпические поэмы – Рамаяну и Махабхарату. И последнее, но от того не менее важное: в полумраке святая святых видны неясные очертания великого культового изображения храма – иногда простого фетиша, но обычно зооморфной или антропоморфной статуи из золота или серебра, украшенной великолепными драгоценными камнями и изображающей иногда доброго бога или богиню, иногда ужасного демона или чудовище.

В храмах Индии, как и в храмах античного мира, жизнь прекращается только в ночные часы, а культ богов не прекращается. Перед статуями богов горят свечи и светильники. курится в курильницах (thymiateria) фимиам, у ног и на коленях богов лежат цветы, венки, фрукты, рис, лепешки и другие подношения верующих. Тела и лица священных властителей храмов мажутся маслом. То тут, то там группы жрецов под аккомпанемент музыки поют гимны и славословия. В некоторых храмах боги не довольствуются столь мирными приношениями и церемониями, требуя крови и кровавых жертв. Каждый год перед алтарями некоторых богов, особенно грозной Кали, гибнут тысячи козлят.

Могущественны и многочисленны жрецы индийских богов, брахманы. Они играют важную роль в жизни всех индусов. Нет нужды подробно описывать их деятельность: она точно такая же, какой была деятельность античных жрецов. В дни храмовых праздников они организуют величественные процессии, в колоссальной повозке-пагоде на мощных колесах, тысячи паломников везут статую бога по величественному процессионному дорожку в другой храм или часовню, на встречу с супругой, искупаться в священном водоеме или море, провести в летней резиденции самые жаркие дни года.

Одним из последних впечатлений моих от Индии был очаровательный вулканический остров Бали. Нет нужды описывать этот остров. Все читали об этом Эльдorado для туристов с его пышной растительностью, обилием цветов и фруктов, и о его знаменитых ритуальных танцах. Однако эта очаровательная точка на поверхности земли – нечто большее, чем заповедник для туристов. Это Академия религиозных наук, живой осколок весьма утонченного и в то же время весьма примитивного политеизма. Бали был когда-то обращен в индуизм, религию Шивы, Вишну и Брахмы, в семью которых принят был и Будда. Однако, как и в Индии, балийцы смешали новую религию со своими примитивными анимистическими, шаманистскими, демонистическими и фетишистскими обрядами, и поддерживают образовавшуюся религию в неприкосновенности несмотря на все наскоки извне. На Бали почти нет христиан и мусульман, тогда как Ява почти полностью мусульманская.

Религией насыщена вся жизнь балийцев. Сотни храмов, больших "соборов" и маленьких деревенских святилищ покрывают остров. Перед многими частными домиками, точно так же, как в Помпеях, Делосе и Остии, стоят скромные алтари домашних богов. Малые и большие святилища балийских ларов, пенатов и манов занимают почетное место почти во всех балийских домах. Перекрестки охраняют статуи богов и демонов. Каждое рисовое поле, каждый сад, каждая плантация имеют своего покровителя, которому строится домик, и в домике кладут приношения.

Незабываемым останется для меня одно из моих последних впечатлений от Бали. Однажды вечером, в полнолуние, на границе дождливого и сухого сезона (в марте), когда на

Бали свирепствуют малярия и демоны бродят на воле, остановились мы в одной небольшой деревне перед маленьким скромным святилищем. И внутри храма, и перед ним происходила пышная церемония. Груды фруктов, цветов и риса лежали на полу храма перед священным изображением одного из самых странных порождений балийского воображения – баронга, огромного львиообразного чудовища, друга людей и злейшего врага всякого рода нечисти и ведьм, особенно главной и самой страшной ведьмы – Рангды. В этот опасный сезон жители деревни умоляли баронга защитить их от могущественных врагов и несли ему лучшее, что у них было. В ответ жрец сбрызгивал их священной водой. Большинство молящихся составляли молодые, красивые девушки и женщины. Они приходили в храм как античные канефоры, неся на головах корзинки с красочной подобранной фруктами и цветами. Часть их они оставляли в храме, а сами, проделав обычные обряды, выходили наружу и образовывали внушительную процессию. Жрецы, флаги и хоругви шли впереди, за ними несли домики богов, и по обе стороны их ритмично двигались канефоры с их корзинками на головах. Тем временем на площади перед храмом толпа внимала музыке и любовалась на деревенских актеров в масках и церемониальных одеяниях, исполнявших одну из тех таинственных пантомим, что сделали Бали знаменитым на весь мир.

Прежде чем закончить тему религиозной жизни и покинуть Бали, позвольте мне сказать несколько слов об одной из самых удивительных особенностей индусской жизни, столь обычной для античного мира. Я имею в виду индусский погребальный обряд. Впервые привелось мне видеть погребение по обряду сожжения. Не примитивное и простое, как среди "диких" племен, а утонченное, художественное, необычайно сложное и разработанное действие, кульминацией которого было сожжение трупа. Видел я разные типы этой церемонии – самую простую форму – на берегу Ганга в Бенаресе, самую претенциозную – целую башню, настоящий античный погребальный костер на одной из площадей города Бангкока в Сиаме, и, наконец, сложнейшие приготовления к сожжению трупов на устрина, кремационных площадях в некоторых балийских деревнях. Там я восхищался высокими башнями-лестницами для подъема тела покойника на высокие платформы для сожжения (одна из них была увенчана моделью самолета), зооморфными кремационными саркофагами, величественными погребальными колесницами, богато расписанными и украшенными тканями, стеклом, золотом и серебром, бумагой и т.д. К сожалению, видел я только приготовления, а не само сжигание, которое происходит очень редко.

Глядя на эти грандиозные сооружения, не мог я не видеть перед собой величественный погребальный костер, сооруженный Александром Великим для его юного друга Гефестиона, или погребальную колесницу самого Александра, на которой тело его отвезли из Вавилона в Александрию, или даже богатые погребальные костры римских императоров, столь часто изображавшиеся на монетах и барельефах, на вершине которых до начала кремации восседал, вместо балийского самолета, величавый орел, готовый забрать душу императора на небеса.

II

Однако же мои впечатления от религиозной жизни Индии были лишь случайными побочными продуктами. Что я хотел увидеть и изучить в Индии, так это ее искусство. Особо привлекла мое внимание проблема связей между древним искусством Индии и искусством греко-римского мира. Я знал памятники индийской архитектуры, скульптуры и живописи в репродукциях. Я хотел видеть оригиналы, и не в жалких кладовых, что мы называем музеями, но в свете и атмосфере их родной страны, под палящим солнцем и проливным дождем Индии.

Я не могу подробно говорить об этой проблеме из-за малого количества времени, оставшегося в моем распоряжении. Позвольте мне сказать лишь несколько слов. Индия никогда не была страной, закрытой для соседей. Двери ее были широко открыты внешнему миру. Наша цивилизация впервые вступила в сношения с Индией в очень ранний период – в шумерскую и дошумерскую эпоху. Мы мало знаем об этом, и между жизнью и искусством той эпохи и более поздней исторической Индии не существует связующих звеньев. Первым контактом между Индией и Северо-западом после появления в Индии ариев было завоевание части Индии персами. Персидское преобладание в Индии, было однако, недолгим. Славный поход Александра Великого также не привел к продолжительной оккупации части Индии македонянами и греками. Индийская сатрапия Александра просуществовала недолго, всего-навсего семь лет. Она, однако же, повлекла за собой важнейшие последствия.

В Индии это привело к образованию, по образцу александровой организации, сильного единого государства, созданного Чандрагуптой и управлявшегося его преемниками, династией Маурьев. Самый известный царь этой династии – знаменитый Ашока, создатель буддийской Индии. Династия Маурьев находилась в дружеских отношениях со своими эллинистическими соседями, могущественными преемниками Александра: Селевком и его династией, правившей иранской, семитской и анатолийской сатрапиями империи Александра. Ближайшими соседями Индии были бактрийские сатрапы Селевкидов, впоследствии независимые правители, эллинистические предшественники современных правителей Афганистана. Сношения между ними и маурийскими царями были частыми и дружественными. Эти контакты продолжались около ста лет. Затем, в начале второго века до Р. Хр. империя Маурьев рухнула, и бактрийский царь Деметрий воспользовался этим, чтобы на время восстановить в увеличенном виде индийскую сатрапию Александра. Эта реставрация также оказалась короткой, но и она повлекла за собой важные последствия.

После падения империи Деметрия часть Северной Индии более чем на столетие оказалась в руках греческих династов. Упадок греков в Бактрии и Индии означал мощное наступление иранцев. Во второй половине второго века до Р. Хр. (около 128 г. до Р. Хр.) Бактрия была захвачена группой иранских племен – юэчжи или кушанами. В то время как другие иранские племена – саки – вместе с парфянами утвердились в Сеистане и Белуджистане, и проникли оттуда в некоторые области Северной Индии (первая половина и середина первого века до Р. Хр.). Несколько позже и саки с парфянами, и греки должны были подчиниться бактрийским кушанам, которые надолго (на два первых по Рождеству Христову века – примерно до 225 г. по Р.Хр.) утвердили свою власть над значительной частью Северной Индии. Саки и парфяне не были варварами, и цивилизация их не была чисто иранской. Они долгое время находились в тесных сношениях с Селевкидами и позже с Римской империей. Кроме того, кушаны многому научились у своих предшественников, бактрийцев и индийских греков, и в первом веке по Р. Хр. стали при великом царе Канишке, иранском Ашоке, ревностными буддистами.

Индия, тем временем, вернулась к домаурийскому положению. Династия Шунгов и Андхров не в состоянии были восстановить ее единство и основной чертой индийской политической жизни была в то время анархия, продлившаяся несколько веков. Эта анархия была временно преодолена при династии Гуптов, которой в начале четвертого столетия по Р. Хр. удалось на некоторое время восстановить единство и величие Индии. Разгром империи Гуптов Белыми гуннами (450–500 гг. по Р. Хр.) положил конец краткому периоду единства, и началась новая эра анархии, так называемое индийское средневековье.

Таким образом, контакты между греко-иранской и греко-римской цивилизациями и Индией были не делом случая, а феноменом, характерным для Индии в течение многих веков. Они привели прежде всего, как и следовало ожидать, к созданию гибридной греко-индийской цивилизации в Северной Индии. Цивилизацию эту мы называем по имени страны, где впервые были обнаружены ее памятники, гандхарской. Памятники этой цивилизации относятся к сравнительно позднему времени. Большинство их восходит к кушанской эпохе, и ни один не датируется временем ранее первого века до Р. Хр. Эта цивилизация завещала нам прежде всего свое искусство, странную, но иногда интересную смесь греческих и индийских элементов, направленную на распространение и прославление буддийской веры (давно уже утвердившейся в этих местах, и особенно поощрявшейся кушанами в первом веке по Р.Х. и позже). Нет сомнений, что это искусство было создано на месте поздними индианизированными греками, обратившимися в буддизм. Полуиндийские художники Гандхары, естественно, облекли уже ставшее традиционным религиозное буддийское искусство Индии в греческие формы. Тщательный анализ этого искусства составлял одну из целей пребывания моего в Индии, ибо оно представляет удивительную параллель сходному и современному с ним искусству Месопотамии и Парфии, любимым предметам моего изучения в последние годы.

Как бы то ни было, проблема гандхарского искусства достаточно узка. Это искусство было местным феноменом, видимо, непродолжительным и не распространявшимся широко, так что проблема эта скучна и невдохновляюща.

Куда важнее вторая проблема, вытекающая из сношений между Индией и греческим и греко-иранским миром. Она имеет отношение к искусству собственно Индии, замечательному искусству, так повлиявшему на Восток, и по сей день живому и процветающему. Его наиболее ранние памятники – постройки и скульптуры – все без исключения относятся к сравнительно позднему времени: лишь немногие древние середины третьего века до Р. Хр. Еще более интересен тот факт, что огромное большинство дошедших до нас

памятников были сооружены для прославления новой религии Индии, буддизма Ашоки и его преемников. Это не означает, однако, что до того в Индии не существовало статуй, храмов и барельефов, посвященных богам брахманистской религии. Это означает только, что ради прославления буддизма Ашока порвал со старой традицией и основал новую. Из форм и характера буддийской архитектуры и скульптуры явствует, что древнее брахманистское искусство использовано для почитания своих богов и строительства храмов не камень, который бы сохранился, но более пластичные и более красивые материалы: дерево, слоновую кость, металлы. Ашока все это изменил. Ему для его буддийского культа и буддийских священнослужителей нужны были долговечные памятники – и он избрал камень. Было ли это важнейшее изменение спонтанным, или же Ашоку вдохновили каменные здания греков и иранцев?

И тут возникает проблема: искусство Ашоки и его преемников, искусство, созданное ради новой религии, было ли оно новым искусством или продолжением старых художественных традиций в новом окружении с новыми целями и задачами? Ответ однозначен. Искусство, происшедшее от искусства Ашоки, в основном, за редкими исключениями, не новое и не чужеземное искусство. Это старое искусство, преобразованное ради новых целей и приспособленное к новому материалу. К этому вопросу я еще вернусь.

Как бы то ни было, этим проблема не кончается. Об искусстве эпохи самого Ашоки мы знаем очень мало. Единственные сохранившиеся из возведенных им памятников – это его знаменитые колонны и столбы с прекрасными капителями. Колонны эти не индийские. Техника их исполнения и стиль – бактрийские, греко-иранские. Очевидно, их сооружали для Ашоки вывезенные из Бактрии мастера. Удержал ли он этих мастеров для строительства своих знаменитых каменных религиозных сооружений – его ступ, храмов (чайтья) и монастырей? И если это произошло, то вложили ли бактрийские мастера в работу только свои технические навыки, а в остальном, в том, что касалось стиля и отделки, слепо следовали приказу своего господина копировать древние индийские оригиналы? Или же они более свободно следовали собственным приемам и передали их местным ученикам? В этом-то и состоит основная проблема, делящая исследователей индийского искусства на два лагеря, которые я позволю себе назвать эллинистическим и националистическим.

Приверженцам второго лагеря нетрудно доказать, что в архитектуре ранних ступ, храмов и монастырей – Бхархута, Санчи, Бодх-Гаяи, Карли – нет ничего греческого, кроме деталей. Они явно воспроизводят более ранние сооружения, построенные в основном из дерева. С другой стороны, приверженцам эллинистической теории столь же легко указать на очевидные заимствования, почерпнутые индийскими зодчими и ваятелями из сокровищницы мотивов бактрийского искусства: фантастические звери, медальоны с головами, так называемые атланты, подражания колоннам Ашоки, некоторые религиозные композиции и т.д.

После того, как все это сказано, основная проблема остается неразрешенной. Проблема эта такова: отражает ли буддийское искусство древней Индии не только греческие формы, но и греческий дух?

Я сейчас продемонстрирую вам некоторые образцы древнего буддийского искусства Индии. Это поможет вам составить собственное мнение об этой проблеме.

Типичнейшие и древнейшие памятники этого искусства – скульптуры, украшавшие некогда ограду и орнаментированные ворота ступы Бхархута (конец второго века до Р. Хр.). Большинство этих скульптур, те, что изображают сцены жизни и почитания Гаутамы Будды (представленного только своими символами), особенно такие величественные композиции как сцена на колонне царя Прасенаджита, выходящего во главе процессии внимать Будде в то время, как царь нагов Эрапата поклоняется престолу Будды под деревом бодхи, а также сцена на знаменитой колонне просветления, выглядят застывшими, архаичными и примитивными. Фронтальность, двухмерность, восточный веризм, отрицание тела, примитивная композиция – вот их основные черты. Странный феномен после ста лет развития в стране, столь тесно связанной с греческими государствами!

Разительный контраст этому застывшему и архаическому искусству представляют некоторые другие скульптуры из той же ступы в Бхархуте: те, что либо свободно орнаментальны, либо неформальным, реалистичным и натуралистичным образом иллюстрируют истории о прежних воплощениях Будды (джатаки). Здесь царят жизнь и движение, наблюдательность и тонкие инновации. В особенности бхархутские мастера продемонстрировали свой творческий гений, изображая животных поодиночке и группами.

Теперь необходимо объяснить это противоречие. Архаичность и застылость ритуальных сцен, разумеется происходит не от беспомощности. По всей видимости, мастерам помешал

применить более передовые приемы в религиозных и ритуалистических композициях ритуализм и традиционализм.

Были ли эти новые приемы – свобода от условностей и традиций, которую они так блестяще проявили в своих орнаментальных композициях, – восприняты от греческих или греко-бактрийских коллег, или же унаследованы от древнего индусского искусства, в котором существовало то же противоречие между религиозным и светским искусством?

Свобода композиции и трактовки все более и более овладевает индусскими мастерами. Знаменитая ступа в Санчи, построенная несколькими годами позже бхархутской, сохраняя некоторые приемы Бхархута, демонстрирует гигантский прогресс на пути к свободе. И продвижение это не прекращается в течение по меньшей мере двух столетий. Реализм, драматический и пластический замысел, интерес к телу, движению и жизни, крайний сенсуализм характеризуют мастеров, создавших скульптуры Санчи, и в еще большей степени художественные школы, пришедшие на смену школе Санчи: матхурскую и южноиндийскую школы; последняя из них представлена прекрасными скульптурами ступ Амаравати и Голи, стоящих уже на грани барокко.

И вновь возникает вопрос: было ли это более позднее развитие чисто индусским, спонтанным, национальным, или ему благоприятствовали постоянно возобновляющиеся контакты с греческим духом и греческим искусством? Не следует забывать, что то была эпоха, когда греко-индийское искусство Гандхары развивалось семимильными шагами, когда гандхарские мастера впервые создали культовое изображение Будды, заимствованное, по всей видимости, школой Матхуры и остальной Индией.

Должен признаться, что в Индию я отправился убежденным эллинистом. Вернулся я из Индии в несколько другом настроении. Кажется, что если индусские мастера и узнали впервые о том, что есть художественная свобода, от своих греческих коллег, они восприняли этот дух свободы и развили его особым и оригинальным образом.

С конца раннего буддийского искусства быстро уменьшается и моя компетентность в вопросах индусского искусства. Однако же для полноты этого краткого обзора позвольте мне сказать несколько слов о последующей эволюции индусского искусства.

Во втором и третьем веках по Р. Хр. более не заметно прогресса в художественной свободе и технических достижениях. Буддийское искусство в Индии постепенно стандартизировалось и ритуализировалось. Оно, видимо, умирало. Не лучше обстояло дело и с брахманистским искусством, которое постепенно возникло из тьмы и вступило в тесный контакт с искусством буддийским (его мастера постепенно начали использовать камень).

И все же совершенно внезапно и неожиданно и буддийское, и брахманистское искусство позднеэллинистического и раннеримского времени пережили замечательное возрождение в четвертом веке по Р. Хр., в гуптскую эпоху. Архитектура, скульптура и живопись достигли в этот период художественной высоты, равной которой не было ни раньше, ни позже. Пещерные храмы и монастыри Аджанты в Индии, остатки дворца на горе Сигирия на Цейлоне суть настоящие сокровищницы утонченного и созидательного искусства, не уступающего искусству итальянского Возрождения. Что особенно поражает в этом искусстве помимо его утонченности, духовности, владения техникой, формой и композицией, так это его полная свобода от условностей и традиций.

Это новое проявление свободы и созидательности вновь представляет собой загадку. Было ли это естественным развитием дремавших местных традиций в благожелательной обстановке власти просвещенных Гуптов, или мы вправе приписать его какому-то иноземному влиянию? Боюсь, что последняя гипотеза не слишком правдоподобна. Возрождение греческого духа без прямого контакта с Грецией есть нечто мистическое. Кроме того, непосредственный контакт, если и имел место (что сомнительно), вряд ли создал бы атмосферу свободы: само классическое искусство в это время становилось все более и более статичным, традиционным, застывшим, все менее и менее свободным. С другой стороны, другое великое искусство того времени, известное в Индии, а именно сасанидское, значительно уступает индийскому гуптскому искусству.

В заключение несколько слов о позднейшем индусском искусстве, искусстве индийского средневековья и последующего периода, искусстве, которое до сих пор существует и известно каждому. Можно ли сказать, что оно – дитя гуптской эпохи? В определенной мере – да. Однако, на мой взгляд, то был просто ренессанс извечного брахманистского искусства Индии, на которое повлияли и стимулировали его долгие столетия буддийского искусства. Именно в этом позднем брахманистском виде индийское искусство завоевало отдаленные страны и создало такие чудеса как сооружения камбоджийского Ангкора или яванского Боробудура.